

The background of the book cover is a composite image. The top half shows a dark blue sky with a thin white contrail from an airplane streaking across it. On the right side, the curved horizon of the Earth is visible against the sky. The bottom half of the cover features a cityscape at dusk or dawn, with several tall skyscrapers and a body of water in the foreground that reflects the buildings and the sky. A semi-transparent blue rectangle is overlaid on the left side of the cover, containing the author's name and the title.

Надежда Соколова

Ведьма работает

16+

Надежда Игоревна Соколова

Ведьма работает

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30556632

SelfPub; 2019

Аннотация

Это четвёртая книга о ведьме Лене. Любопытство – не порок. Следуя этой пословице, Лена пытается понять, кто и зачем похищает людей в Китеже, почему Баба Яга воюет с домовыми и в кого влюблён Арни. Ну и личную жизнь параллельно надо устраивать. Так что Лена не скучает.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

49

Глава 1

Плохое начальишко не к доброму концу

Магдалена:

Комендантский час – самая отвратительна штука из всех, что я знаю. Особенно когда привык постоянно перемещаться без непонятных жестких границ туда, куда тебе хочется, и тогда, когда хочется. Нет, ну в самом же деле, кто вообще придумал ограничивать свободу передвижения населению, не слушая его и заявляя почему-то, что это ему же во благо? А если чей-нибудь горячо любимый супруг вовремя не успеет появиться под недремлющее око своей благоверной супруги и, побоявшись попасть в руки стрельцам из патруля, опрометчиво решит заночевать у друзей? Кто потом вообще сможет поверить, что ночевал он исключительно лишь по великой необходимости у некоего близкого друга, а тот, друг его, никого не предупредив, возьми и отправься утром в далекое путешествие по своим надобностям, вероломно подставив непутевого муженька и одним махом лишив несчастного законного алиби. Это ж сразу же разные подозрения, скандалы, выяснения отношений начнутся. Нет, ячейка общества не распадется, естественно, не положено это, но трещину точно даст. Вот и кому это надо, я вас спрашиваю?

А самое главное – это до сих пор непонятная мне отвратительная рутинная необходимость начальника Тайного отдела то есть моей скромной персоны, из-за небольшого штата ра-

ботников присутствовать по ночам при допросе вот таких-то несознательных граждан, которых бдительные патрули приводят к моему флигелю каждую ночь буквально десятками. И ведь уперся Елисей рогом: нет, и всё тут. Не спорь, ведьма. Я и город своим повелением закрыл, и комендантский час ввел, всё, чтобы тебе работу облегчить. Так что трудись, дорогая, на благо ставшего уже родным государства, помогая батюшке-царю порядок поддерживать, ищи татей и наказывай их по всей строгости закона.

В общем, спала я плохо, можно даже сказать отвратительно, уже неделю и выглядела так, что от меня в страхе шаркались все упыри на окрестных кладбищах, видимо, принимая за одну из них, только более древнюю, опытную, страшную и злую.

Вот и сидевший сейчас передо мной, по другую сторону стола, неказистый мужичок лет тридцати-тридцати пяти, синезеленый от ужаса, в потертом кафтане и почему-то лаптях на босу ногу (что это еще за сельская мода?!? В Китеже никогда подобное не носили!), пытался смотреть куда угодно, только не на всеми любимого начальника Тайной канцелярии, и мямлил что-то непонятное, с надеждой вставляя каждые пять-семь минут:

– Не виноват я, матушка ведьма, видят боги, не виноват, отпусти, всеми богами тебя молю.

Всеми, да? И Мороком тоже? Ну спасибо, добрый человек. Только бога смерти мне для полного счастья сейчас и не

хватало. Как там недавно один умник оправдывался, когда объяснял, почему его дражайшая, горячо любимая теща внезапно к Мороку отправилась? Я, мол, просто богов перепутал, много их слишком в нашей вере. Хотел, мол, спасительнице и заступнице Радужнице помолиться о здоровье моей ненаглядной родственницы, а вишь ты, как получилось-то: злобный бог как-то сам собой на ум вдруг пришёл. Судья, впрочем, только посмеялся с такого нехитрого объяснения и во внимание его не принял. Да и у женщины на шее след от веревки обнаружили. Так что отправили того товарища на вечное поселение в Мороковы пустоши, вслед за тещей. Впрочем, такое я вслух не сказала, лишь ворчала потихоньку про себя и, удобно устроившись в своем мягком «начальственном» кресле, с подушечкой под спиной, раз за разом задавала мужику один и тот же вопрос:

– Что ты делал после десяти часов ночи на улице в трех кварталах от собственного дома?

Он мялся, менял цвет лица с красного на белый, отводил глаза, лихорадочно пытаюсь придумать достойный ответ, а я все больше раздражалась и чувствовала, что терпение мое утекает сквозь пальцы, аки песок. Вот доведет же до членовредительства, ей-богу. И что мне потом, этого калеку самой же и лечить?

Устало вздохнув и мысленно уже растянувшись на постели, такой манящей и желанной, я все же решила дать нынешнему нарушителю последний шанс:

– Козьма, я ведь долго терпеть не буду. Или скажешь наконец, почему ночью по городу шастаешь, или превращу тебя в лягушку или жабу. Будешь в пруду квакать и комаров ловить.

Цвет лица у мужика резко сменился с нежного сине-зеленого на землянисто-серый, сам он попытался вскочить и плюхнуться мне в ноги. Пришлось применить частичный стазис, что еще больше испугало моего собеседника.

– Смилуйся, матушка ведьма! Не надо в жабу! Не хочу квакать! Ненавижу комаров! Пощади дурня! Это всё Линка моя, чтоб её Морок побрал! Это она, зараза такая! Она меня к тётке своей за настойкой отправила!

Так. Уже проще. Линка, насколько я помню, это Аполлинария, супруга этого лоботряса, дама из обедневшего купеческого рода. Некрасивая, наглая, высокая, заумная. Да еще и с бородавкой под нижней губой. Осталась бы до конца своей жизни старой девой, если бы к ней не посватался несколько лет тому назад, прельстившись остатками некогда большого купеческого состояния, местный шорник, тихоня и скромник Козьма. Родители Линки, уже и не надеявшиеся сбыть «лежалый товар», обрадовались парню, как родному, быстро выдворили опостылевшую дочурку из родных пенат с неплохим для мужика-лапотника приданым и поскорей уехали куда-то в глушь, в дальнюю деревню, где в свое время купили небольшой домик – наслаждаться тихой жизнью на природе, заниматься садом-огородом и ловить рыбу в прудах

и озерах, расположенных неподалеку. Вот только что такого этой «шпале» понадобилось ночью от своего мужа, что она и комендантского часа с патрулями не побоялась?

– Что за настойка-то?

Залился алым цветом, словно девица-скромница на выданье под цепким взглядом будущей свекрови, был бы свободен в движениях, наверняка стал бы елозить на стуле.

– Так это... Я-то... Ну как бы... От мужской слабости-то...

Как я сдержалась, чтобы не расхохотаться, сама не пойму. Вот же... Нехороший человек... Стыдно ему, видите ли, перед кем-то другим в свой мужской несостоятельности признаться. А мучить ведьму отговорками и молчанием не стыдно. Столько времени с ним потеряла. А могла бы уже спать идти.

Дернула раздраженно за привязанный к столу колокольчик, через пару секунд в комнату заскочил дежурный стрелец и вытянулся по стойке смирно, ожидая приказа.

– Отведи этого, – небрежно кивнула в сторону все ещё «замороженного» мужика, – к нему домой. Стребуй с него пару серебрушек штрафа за появление на улице в не положенное время и три медяка тебе за работу.

Штраф считался чересчур высоким, но я была не просто раздражена. Я была зла. И нарушитель порядка, видимо, это понял, потому что спорить не стал и, как только я освободила его от стазисного заклинания, рыбкой нырнул за спину

охраннику. Трус.

– Как прикажете, матушка ведьма! – гаркнул довольный будущим вознаграждением стрелец, и оба они наконец-то удалились. А я пошла спать...

– Госпожа ведьма! Госпожа ведьма!

Ясочка... Мучительница...

– Что тебе, зараза мелкая? – не открывая глаз и с трудом ворочая языком, пробормотала я.

Маленькая бойкая черноволосая горничная, за месяцы работы давно привыкшая к моим словесным оборотам и давно вникнувшая в мой сварливый, но добрый характер, лишь весело фыркнула. И ведь не боится уже...

– Госпожа ведьма, к вам начальник стрельцов пожаловали.

Кто? Ники, что ли? Зачем, интересно? И где он?

Последний вопрос я задала вслух. И получила на это недоуменный ответ:

– Так ясное дело, в коридоре ожидают, пока вы проснетесь. Сказали, что еще жить хотят.

Обормот...

– Пойди передай ему, пусть заходит минут через десять. И принеси мне какой-нибудь домашний халат.

Пока горничная, хихикая, исполняла мои поручения, я кое-как добрела до ванной.

После того как меня чуть не убила сумасшедшая полу-

эльф, я выбила у Елисея в качестве награды за опасную и верную службу Их Величествам разрешение оборудовать комнату рядом с моими покоями под собственную ванную. Помещение было большим, плюс я еще его расширила с помощью умений Дани управлять свернутым пространством, и сейчас у меня были свои ванная, рукомойник, туалет и небольшой, видимый только магам, личный бассейн, как раз и находившийся в свернутом пространстве. Теперь уже не надо было каждый раз приказывать топить баню, мыться в тазу при помощи слуг или зимой в лютый мороз мерзнуть в нужнике на улице. Теперь я жила с комфортом.

Приведя себя в относительный порядок, я, спотыкаясь на ходу и смотря на мир сквозь глазки-щелочки, с трудом, но все же вернулась в свою комнату. Ясочка, стоявшая наготове, тут же подала мне легкий шелковый халатик, в который я, кое-как попав в рукава под смешки горничной, наконец-таки влезла. Вот дождетсЯ: превращу в стрекозу и в банку посажу себе на потеху...

– Зови его, – усевшись на постель и обложив себя подушками, велело мое сиятельство.

Ники, высокий худощавый парень с карими глазами, вошел уставший и озабоченный, с яркими фиолетовыми синяками под глазами. После массовых убийств в Китеже несколько недель назад он забыл про сон, отдых и личную жизнь и практически все время проводил на плацу, безжалостно гоняя своих подчиненных, показавших в том деле от-

вратительную выучку. Результаты уже впечатляли, но оборотню все было мало, и несчастных стрельцов поднимали в пять утра, позволяли полчаса пообедать в двенадцать и отпускали на отдых в десять вечера, когда в столице начинался комендантский час. До кроватей доходили не все. Многие валились спать прямиком на плацу и на утро получали дополнительные задания за нарушение режима. Попущение было только тем, кто по графику патрулировал улицы или же дежурил у меня в канцелярии, так что желающие на эти две далеко не легкие работы никогда не переводились.

– Шикарно выглядишь, – нахально заявил оборотень, без стеснения плюхаясь в кресло напротив постели.

– Зеркало рядом, можешь обернуться и на себя полюбоваться, – не осталась в долгу я.

Друг фыркнул.

– Скажи мне, Лена, кто первый назвал тебя 33 несчастьем? Пойду этому человеку в ножки поклонюсь.

Вот же умник.

– Ники, я полночи не спала, чтобы от тебя сомнительные комплименты выслушивать?

– Ладно, не ершись. Признаю, погорячился. Лучше скажи, куда мой стрелец подевался?

– Который?

– Тот, что к тебе в дежурные вчера напросился.

– Понятия не имею. Я отправила его проводить до дома задержанного, а сама пошла спать.

– Да? Очень интересно. В казарму он не вернулся. И кого же он провожал?

– Козьму-шорника. Тот почему-то за три квартала от дома после десяти часов ночи «гулял». Вот патруль его и поймал. Ну и ко мне, ясное дело, препроводил.

– Так... Ладно, пойду разбираться.

Оборотень ушел, а я, взглянув на часы и осознав, что мои работодатели давным-давно закончили свою трапезу, направилась напрямиком на кухню: завтракать.

Максимилиан Цирин:

До начала лета осталось буквально три-четыре недели, хоть солнышко немилосердно припекало уже сейчас. Большинство адептов, успешно сдав экзамены и пройдя обязательную ежегодную практику, уже разъехалось по домам до сентября, оставив в академии все полученные за год знания. Их не особо удачливые товарищи должны были ждать переэкзаменовки в конце июня. Именно тогда я и принимал решение, оставить ли этих лоботрясов продолжать обучение или отправить восвояси, предварительно запечатав их магию.

Кроме двоечников, остался еще и Арни. Возвращаться ему, гостю из далекого прошлого, одному из последних выживших цирхов, за неимением давно пропавшего дома, было некуда. И естественно, что его невозможно было вытянуть сейчас из местной библиотеки. Парень там дневал и ночевал.

вал, забыв напрочь даже о еде. Вместо пищи он с жадностью поглощал очередные порции информации. Дух-хранитель не раз жаловался мне, что ему приходилось вызывать шушанов, дабы отвести ненасытного до новых знаний адепта к нему в комнату. Впрочем, и в своей комнате Арни усиленно читал все, что только попадалось под руку, и я уже всерьез опасался за его здоровье.

– Господин ректор, да что же это такое делается-то? Да как же это возможно-то??? Да это ж у них у всех ни стыда ни совести нет! – В мой кабинет ворвалась, сметя на своем пути моего верного секретаря-эльфа, худенькая женщина среднего роста, с ярко-карими глазами и длинными волосами необычного серого цвета, на вид довольно молодая и симпатичная. Поговаривали, что в ее роду когда-то давно отметились дриады, поэтому-то преподаватель флоры Вареника Бориславская за те несколько десятков лет, что я ее знаю, и не постарела ни на каплю. И вот теперь самый скромный и тихий преподаватель магической академии, постоянный объект насмешек и вышучиваний от адептов и коллег, находилась буквально на грани истерики. И кто её опять довел?

– Что произошло, госпожа Бориславская?

– Вот! Вы только полюбуйтесь на это! – мне на стол плавно спланировал тетрадный листок, на котором в подробностях был изображен процесс оплодотворения драконов. Скажем так, и сам процесс, и рисунок явно не для слабой психики.

И ведь никакой ауры на листике. Странно. Очень странно. И кто ж у нас такой смелый? Юные драконессы всё сдали одни из первых и давным-давно отдыхают в своем замке, забрав с собой и угрюмую нелюдимую Агату, Арни из библиотеки не выходит, его дружки все по домам разъехались.

– Оставьте это «художество» у меня, госпожа Бориславская. Я обязательно во всем разберусь, накажу виновного и сообщу вам.

Всего лишь обещание, произнесенное уверенным тоном, а какой эффект!

Признаки истерики исчезли мгновенно. Довольная преподаватель легкой бабочкой выпорхнула за дверь.

Магдалена:

Весь день у меня на душе, несмотря на чудесную погоду за окном, скребли и устраивали свои разборки матёрые мартовские кошки. Я была почему-то твердо уверена, что история с шорником скоро получит продолжение.

Ближе к ночи ко мне ввалился Ники, взмыленный, словно конь при забеге на дальнюю дистанцию.

– Они пропали! – и это вместо приветствия. Кто его манерам учил?

– Кто?

– Шорник с женой и мой стрелец!

Так...

– В каком смысле «пропали»?

– В прямом! Я уже весь Китеж на уши поставил, мои ребята побывали во всех возможных подворотнях и злачных местах столицы! Этой троицы нигде нет!

Очень интересно...

– Пошли, – я с тяжелым вздохом поднялась с кресла, в котором последние несколько минут с удовольствием поедала прямо из банки вкусное фруктовое варенье, непонятно как оставшееся в кладовке с прошлого года, и в сопровождении оборотня нехотя вышла из комнаты.

Уже было почти по-летнему тепло, и даже темной ночью мою нежную кожу аристократки не охлаждал, а лишь слегка подразнивал теплый весенний ветерок. Кофту я надевать не стала, отправилась на поиски в чем была: домашний атласный халат, не прикрывавший колен, и сафьянные чоботы, в которых я «рассекала» по дворцу.

Шли мы неспешным шагом до нужного места минут двадцать. Все время молчали, каждый был глубоко погружен в свои нерадостные мысли. За это время нас дважды останавливали стрелецкие патрули, но, распознав начальство, мгновенно отдавали честь, и мы продолжали дорогу.

Дом как дом. Небольшой, деревянный, с узорами-оберегами на ставнях и резным петушком-флюгером, задорно вертевшимся при сильном ветре, на крыше.

Внутри обычный домашний беспорядок, на столе скатерть с остатками ужина. И ни души. Весело...

Прикрыв глаза, я честно постаралась нащупать хоть ка-

кой-нибудь ментальный след. Ничего. Чисто. Странно это. Не бывает таких стерильных помещений. В «эфире», как мы, маги, изредка называем атмосферу любого места, должны быть чувства, эмоции, желания, сны и прочее. А здесь – пустота.

– Кто-то очень умный все следы затер за собой, – открыв глаза, сообщила я напряженно ждущему в стороне оборотню. Тот расстроено выругался.

– И что делать?

– Понятия не имею. Соседей опрашивали?

– Естественно. Никто ничего не видел и не слышал.

Совсем хорошо. Ну и кто ты, умник? Зачем тебе вдруг понадобился ничем не примечательный шорник с «красавицей» супругой и блюстителем порядка?

С Ники мы расстались только у ворот дворца: он направился в казармы, я – в свои покои, где меня уже давно ждал Даня. Мой леший. Высокий, молодой, симпатичный, с длинными темно-каштановыми кудрями и карими глазами. Поднявшись с кресла и придирчиво осмотрев свою драгоценную невесту с ног до головы, он покачал головой, сделал шаг вперед и прижал меня к своей груди.

– Сильно устала? – спросил он, нежно поглаживая меня по волосам и спине.

– Очень, – измученно выдохнула я, забывая обо всем на свете и просто тая в его объятиях.

С тех пор как я, находясь под присмотром целителей, со-

гласилась-таки выйти за лешего, наши с ним отношения в корне изменились. Он стал нежным, ласковым и заботливым, несколько раз в месяц приходил из леса потаенными тропками во дворец и оставался у меня до утра. Иногда я открывала портал к нему, и мы вместе наслаждались одиночеством и тишиной в лесу. Дворцовая челядь, интересовавшаяся нашими отношениями (видно, за неимением своих), создала тайно тотализатор и активно принимала ставки, как долго еще гадкая злобная ведьма будет мучить своего жениха-красавца. Когда однажды утром Ясочка, довольно хихикая, рассказала мне об этом, моим первым порывом было наслать на этих умников сильное желудочное расстройство. Но потом я передумала и поведала обо всём лешему. Тот хмыкнул и посоветовал не заморачиваться и анонимно поставить на срок в шесть месяцев. Ну... В принципе, почему и нет... Я почти уже свыклась с мыслью, что когда-нибудь этот черный день настанет, и я все равно за него выйду. Пусть будет через полгода. Какая разница...

– Почему Елисей не отменит этот свой никому не нужный комендантский час и не откроет наконец ворота? Еще немного, и иностранные купцы начнут бунтовать.

– Наш царь упрямый, – устало пожала я плечами, уютно устраиваясь на коленях у жениха. – Он непонятно по какой причине вбил себе в голову, что у полуэльфа могли остаться здесь некие сообщники, которые и ввели в транс ту самую убитую мной служанку, а значит, их надо поймать. Никакие

доводы о возможности путешествовать порталами или о том, что все заинтересованные лица при желании могли давно покинуть город, в расчет просто не принимаются.

Утром я доложила царской чете, недавно закончившей завтракать, о пропаже людей. Его Величество, уже одетый для каждодневной тренировочной битвы на рапирах в черные бриджи и темно-синюю рубашку, недовольно нахмурился:

– То есть как это – ничего не смогли найти? Не испарились же они в самом деле, и по воздуху улететь не могли. Значит, где-то в городе. Пусть еще раз все обыщут.

– Ты забываешь о порталах или потайных тропах, наподобие тех, что знает Даня. Если похититель – маг, то и он, и похищенные могут быть сейчас в любой точке планеты.

– Но почему именно эти люди? Что такого интересного представляют из себя шорник и стрелец? – недоуменно подняла брови Её Величество, сидя в коротком парчовом халате на софе и увлеченно поедая засахаренные фрукты.

– Если б я знала. Как-то нелогично все.

Так и не додумавшись до каких-либо возможных причин похищения, Елисей ушел на тренировку. Василиса же сладко потянулась, томно зевнула и покачала головой:

– Вот напрасно ты, Лена, местной светской жизнью не интересуешься. Совсем недавно в высших кругах китежской аристократии такой скандал случился!

«Детей тебе родить надо и воспитывать их, – подумала я, –

а не скандалами интересоваться. Тоже мне, «высшие круги аристократии»: пять-семь семей, не больше, пара князей, ви-конт, а остальные – бароны; гонора-то... выше их всех вме-сте взятых».

– И что там такое случилось? – вслух вежливо поинтере-совалась я у подруги.

– Меня на днях с неофициальным визитом посетила кня-гиня Жарская с дочерьми. Ты же помнишь её?

Еще бы. Кто же не помнит Ангелину Жарскую, высокую, плоскую, как майский шест, самоуверенную заносчивую ду-ру, бывшую личную белошвейку и любимицу давно почив-шей матери Василисы, Её Величества Аглаи, удачно высок-очившую замуж (видимо, исключительно по протекции цари-цы), несмотря на свое низкое купеческое происхождение, за князя Жарского, наперсника и друга детства Елисея, тогда еще – глупого желторотого юнца, не знавшего жизни и ве-рившего всему, что ему говорили посторонние люди, родив-шую ему за пятнадцать лет брака троих дочерей, не блещу-щих, как и матушка, ни умом, ни красотой, ни талантом, и уже пару лет безуспешно, несмотря на все немалое состояние и титул мужа, пытавшуюся найти женихов своим драгоцен-ным чадам. Когда я только появилась во дворце, эта глупая курица Ангелина, невзлюбившая меня непонятно по какой причине с первого взгляда, попыталась «поставить на ме-сто зарвавшуюся молодую ведьму», но после десятка урод-ливых бородавок, резко выскочивших у нее на лице, поуме-

рила свой пыл и теперь старательно обходила меня десятой дорогой, изредка пуская у меня за спиной очередную сплетню о развратной ведьме, пустившей корни в царском дворце.

Естественно, вслух я этого не сказала.

– И что в этот раз могло произойти в аристократических салонах?

Иронию Василиса, естественно, уловила, но заострять на ней внимание не стала, а начала подробно рассказывать об очередном длинном и скучном вечере в доме виконта Истова, маленького сухонького старичка, развратника, пьяницы и картежника, славившегося, помимо своих пороков, еще и любовью к диковинным вещам и людям.

– И тут виконт вдруг говорит: «А теперь я вам представлю скомороха, умеющего отгадывать любые ваши желания, даже самые сокровенные, и читать все ваши мысли, в том числе и тайные!». И в комнату входит карлик: маленький, уродливый, злобный, глазки как сверла, да еще и огромный горб на спине. Сначала пару-тройку интересных фокусов показал, потом какие-то непонятные стишки громко продекламировал, а напоследок начал мысли читать у всех собравшихся. Ох, что там началось! Оказалось, что чуть ли не все семейства друг другу изменяют, что милые скромные дочери баронесс Велайской и Антойской на самом деле – развращенные дуры и эгоистки, что сам виконт – тайный сводник, берущий деньги за сводничество. В общем, чуть до драки не дошло! И представляешь, этого карлика, вместо того чтобы

метлой поганой из Китежа гнать, стали для развлечения к себе и другие семейства зазывать, в том числе и именитые купцы! Я вот и думаю теперь: может, и у нас такой вечер организовать? Как ты считаешь? Получится общество порадовать?

– А Елисей что скажет? – хмыкнула я.

– А, – беспечно отмахнулась Её Величество, – Елисея я уж точно уговорю.

Ох, Василиса... Не знаешь ты, с кем хочешь познакомиться... Карлик, говоришь? Да еще и горбун? Ну вот и встретились, граф Жильд. Давненько не общались...

Жильдер ант Цорал принадлежал к древнейшему аристократическому роду Фрезии, славившему своей магией, далеко не всегда действовавшей на благо людям. Цоралов считали злобными чернокнижниками, людскими ненавистниками и пособниками Дарка. Их ненавидели и боялись. Жильдер, или Жильд, как он сам себя постоянно называл, был последним представителем этой семьи. В народе ходили слухи, что боги, устав терпеть все те гадости, что натворили при жизни другие Цоралы, решили наказать Жильда за грехи его родственников и «наградили» парня всеми возможными физическими недостатками. От этого он озлобился, возненавидел людей и стал творить бесчинства похлеще остальных в роду Цоралов. В наказание за такое поведение его лишили магии, но при нем остался его природный «дар»: Жильд умел чувствовать людей, видел все их сокровенные страхи, мечты

и желания. Мысли он читать, конечно, не умел, но в человеческой психологии разобрался великолепно, чем и пользовался постоянно, с радостью сея вражду между лучшими друзьями и пылкими возлюбленными. Во Фрезии императорской властью его объявили вне закона, и он в последний момент умудрился сбежать из-под стражи. Теперь вот, как оказалось, непонятно зачем объявился в Роси, а самое главное – как-то просочился в закрытый Китеж.

У меня к Жильду были свои давние счеты: он смеха ради опозорил мою дальнюю кухню, намеренно выставив её нимфоманкой и таким образом заставив невинную девушку из-за постоянных насмешек посторонних людей покончить жизнь самоубийством. Ну что ж, граф, пришло время платить по счетам.

Даниил:

Вот и закончилась холодная погода, унеся с собой депрессию и паршивое настроение. Теперь будет «жарить» вплоть до середины сентября. А ведь лето еще не началось.

Птицы уже вовсю выют новые гнезда или селятся в старых и готовятся выращивать пернатое потомство, звери активно участвуют в ежегодных весенних брачных играх, присматривают себе пару, красуются перед соперниками. Потопыч, наконец проснувшись, снова стал основной грозой леса и практически каждый день развлекается, активно гоняя по лесу обнаглевшую за долгую зиму от полной безнаказанно-

сти молодежь. Лепота, в общем. Тишь, гладь, всеобщая благодать.

Только я стараюсь как можно реже появляться на открытом пространстве и все свое свободное время провожу там, где меня нельзя отыскать – или в глухой чаще леса, или у себя дома: местные красавицы из близлежащих деревень с приходом тепла открыли на одного несчастного лешего самую что ни на есть настоящую охоту, каждая из них мечтает если не стать лесной владычицей, то хотя бы приятно провести со мной свободное время. И если раньше я охотно позволял им это, притворяясь «бесхозным» добрым молодцем, и с наслаждением играл в их однообразные игры, ничего при этом никому не обещая, то теперь у меня появилась любимая девушка, невеста, и жизнь сразу обрела смысл, заиграла новыми красками.

Магдалена... Лена... Худая, как скелет, егоза небольшого роста, с длинными черными волосами, полноватыми губами, тонким аристократическим носом и серыми глазами. Её бывший учитель, профессор Цирин, недаром называет ее 33 несчастья – у моей любимой просто дар вляпываться в различные неприятности.

До сих пор каждый раз с содроганием вспоминаю, как увидел Лену без сознания лежавшей на страшном жертвенном алтаре, а рядом с ней – того психа со злобной усмешкой на губах, безумием – в глазах и изогнутым ритуальным ножом в руке. Мне почему-то показалось, что мы опоздали, все за-

кончилось до нашего появления и она уже умерла, и я, забыв о постоянной необходимости сдерживать эмоции, дал волю всем бурлящим в моей душе чувствам. Плохо помню, что именно тогда произошло, так как самоконтроль мой попросту исчез, растворился под напором «коктейля» из страха, ненависти, обреченности, горечи и злобы. Знаю только, что от того сумасшедшего Экораса не осталось тогда ни единой целой частички, а Цирин и Арни потом смотрели на меня круглыми от изумления глазами. Больше всего я боялся, что Лена, придя в себя и узнав обо всем произошедшем, испугается и не захочет никогда меня видеть, но она лишь пригрозила, полусхотливо-полусерьезно, что будет каждую неделю самолично поить меня литрами валерианки, чтобы я не пугал так окружающих.

Как только она поправилась, Елисей загрузил её работой, но мы все же находили время, чтобы встречаться, пусть и урывками. Я ночевал у нее несколько раз в месяц и по утрам не хотел никуда уходить, иногда она приходила порталом ко мне домой. Узнав о тотализаторе, я развеселился и предложил своей невесте, заранее зная результат, неплохо на этом заработать. Похоже, ей эта идея понравилась. А вот с Его Величеством у меня вышел серьезный и обстоятельный разговор. Елисей хотел знать о моих намерениях по отношению к его сотруднице, а услышав о приближающейся свадьбе, предупредил, что отпускать своего ценного работника не намерен никуда: ни в свадебное путешествие, ни в декретный от-

пук. Я лишь хмыкнул и посоветовал царю-батюшке при Лене о возможных детях не заговаривать. Она и на узаконивание наших отношений с трудом согласилась, а тут – наследники. В общем, с Елисеем мы пришли к полному взаимопониманию.

Сегодня утром, уйдя от невесты, я направился тайными тропами напрямиком к Арине Яговне, или Бабе Яге, как звали ее местные. Весеннее настроение коснулось и ее: маленькая седая женщина, одетая в домашний ситцевый халат, убирала во дворе перед домом, мурлыкая себе под нос как-то незнакомый веселый мотивчик.

– А, жених пожаловал! – Метла была тут же отставлена, старушка провела меня в дом и усадила за стол. Закипел самовар. – Как там Леночка поживает?

Я всегда удивлялся, как Лена, чуть не поругавшись с Ягой при первом их знакомстве, сумела впоследствии без особого труда завоевать сердце пожилой женщины. Та теперь считала проказливую ведьму чуть ли не родной дочерью и в любой спорной ситуации неизменно каждый раз вставала на ее сторону.

– Да по-старому, – улыбнулся я, с благодарностью принимая из рук хозяйки травяной чай, снимающий усталость и лечащий хворь. – Елисей завалил ее работой, весь день носится, как угорелая, а по вечерам приползает домой еле живая.

– Ну, раз она до сих пор у него работает, значит, ее все

устанавливает, — хмыкнула Яга, пододвигая мне блюдо с вареньем из крыжовника, сваренным самолично старушкой в прошлом году. — Какие новости в Китеже? Мой «племяш» еще не отменил этот свой дурацкий комендантский час?

— Нет, всё надеется поймать злоумышленников... — Я отхлебнул напиток и откусил блинчик, макнув его предварительно в варенье. — Да, кстати. В Китеже прошлой ночью люди пропали.

— Из закрытого города? — нахмурилась удивленно Арина Яговна, отхлебывая горячий чай из блюда. Чашки старушка не признавала и чаевничала каждый раз по старинке. — И никаких следов?

— Лена говорит, что там вообще ничьих следов не было: ни мыслей, ни чувств, ни эмоций.

И я рассказал хозяйке в подробностях всё, что знал, не забывая отдавать должное ее кулинарным умениям.

Магдалена:

Званный вечер со злобным карликом в главной роли решено было устроить во дворце через двое суток. За это время Василиса планировала успеть подготовить достойный, по ее мнению, прием. Гостей должно было собратся немало: я предложила Её Величеству в этот раз пригласить не только всех местных аристократов, коих было не так уж и много, десять-пятнадцать семей, не больше, но и мало-мальски успешных купцов, в том числе и иностранных, по прихо-

ти Елисея надолго застрывших в столице, в основном затем, чтобы создать массовку и продемонстрировать народу шикарную жизнь и развлечения его правителей. Ведь сплетни о вечере и приглашенных все равно пойдут гулять по городу, тем более среди бедных слоёв населения. Так лучше, чтобы как можно больше людей оказалось знакомым с реальным положением дел. Подруга с моими доводами в этот раз полностью согласилась и с небывалым рвением принялась руководить слугами, стараясь всё сделать по высшему разряду.

С Его Величеством я пообщалась до этого заранее, наедине и честно рассказала ему все, что знала о звезде вечера. Царь, естественно, в восторг не пришел.

– Ну и зачем тогда он нужен, этот урод, у меня во дворце? – хмуро спросил он, недовольный предстоившим событием и ролью собственной жены в устройении вечера.

– Ничего ужасного он сделать не способен, так как давно лишен любой магии и теперь может только провоцировать. – Я подошла к окну и оперлась о подоконник, повернувшись лицом к Елисею, в расслабленной позе сидевшему на софе. – Не поддавайтесь на провокации, и проблем не будет. Да и вообще, Елисей, ты же знаешь, что любого преступника обязательно надо ловить на месте преступления. Вот я и собираюсь этим заняться. Пусть устроит себе последний праздничный день перед долгим пожизненным заключением. Ну или казнь. Это уж что император решит. Как только я сочту, что улики, доказывающих его виновность в подстрекательстве

и провокациях, достаточно, я погружу его в стазис, перенесу в академию и сдам на руки Цирину. Так что беспокоиться здесь совершенно не о чем. Да и Василиса в кои-то веки развлечется. Нужно же и ей праздник устроить, а то от скуки глупостям разными заниматься начнет, а это уж точно ни к чему хорошему не приведет.

С последним доводом спорить было сложно, и царь-бабушка, несмотря на свое недовольство, вынужден был смириться с предстоявшим мероприятием.

В назначенный день и час все было готово: дворец был украшен по-весеннему слугами и зачарован мной. С потолка свисали гирлянды искусственных цветов; в вазах стояли цветы настоящие, выращенные в личной оранжерее царицы; повсюду летали магические светляки, дававшие довольно света и призванные защитить собравшихся во дворце от любой черной магии или ее всевозможных последствий. Челядь, парадно одетая, наводила последний марафет: выдраивала и так чистые, просто блестящие паркетные полы, смахивала несуществующую пыль с картин и гобеленов, развешанных в коридорах и залах, поправляла вязаные и тканые салфетки, разложенные на столах и подоконниках. Последнего атрибута я не понимала. Как по мне, – чистое мещанство. Но Её Величество настояла на своей прихоти, и салфетки разложили повсюду.

Народ стекался во дворец весь вечер, и ко времени прихода героя дня в залах было не протолкнуться: надменные

аристократы смешались с богатыми негоциантами, те в свою очередь были потеснены купцами попроще. Отдельной группой стояли иностранные послы с семьями и с легким презрением рассматривали колыхавшуюся от нетерпения массу китежан. Голубая кровь белая кость, блин. Гонора много, а суть гнилая. Тот же фрезийский посол был переведен в Китеж (читай: сослан) за непреодолимую страсть к азартным играм, приведшую его семью к полному разорению, и постоянные приступы kleptomании, из-за которых во фрезийском дворце постоянно вспыхивали скандалы, а стоит и смотрит сейчас вокруг так, будто является прямым наместником бога-создателя Нареца¹, а это и его последним воплощением, на этой планете.

А вот и наш скоморох в сопровождении виконта Истова пожаловал. Одет, как всегда, непонятно во что: то ли яркие половые тряпки украл и на себя нацепил, то ли свой халат порвал на лоскуты где-то. Последний бомж не рискнет облачиться в подобное. А этот снова с наслаждением эпатирует публику.

Чтобы раньше времени не выдать себя и не попасться на глаза злобному карлику, я встала сбоку от парчовой портьеры, полностью закрывавшей меня от остальной любопытной публики, и наблюдала, как разглядывает «высший свет» новую необычную игрушку: во взглядах, обращенных на графа Жильда, смешались разные чувства: любопытство, инте-

¹ Нарец – бог-создатель во фрезийском пантеоне.

рес, страх, насмешка, презрение, брезгливость, отвращение, ненависть. Надо же, как разнится отношение к карлику. Ну-ну. Это его еще «в деле» не все видели.

Маленький уродец шел быстро и уверенно, буквально рассекал толпу. Вскоре он уже был посредине самого большого зала во дворце. Именно в том месте было поставлено нечто вроде высокой деревянной трибуны, за которую следовало встать «дорогому гостю», чтобы все собравшиеся смогли лицезреть его. Их Величества по моей настоятельной просьбе сидели в удобных креслах в углу зала, невидимые для постороннего взгляда. Василиса попробовала было возмутиться моим решением, но я отвела свою дражайшую подругу в сторону и посоветовала не спорить со мной, если, конечно, она не хочет, чтобы Елисей на этом вечере внезапно узнал все её многочисленные тайны и секреты. Её Величество моим советом прониклась и, больше не споря с придворной ведьмой, покорно уселась в поставленное для неё кресло, позволив закрыть себя и своего супруга пологом невидимости.

Граф Жильд, как обычно, решил идти от простого к сложному, желая «разогреть» толпу, подготовить ее для жарких ссор и скандалов: сначала были показаны простенькие фокусы, повторить которые, не помогая себе магией, смогла бы даже я. Однако же на собравшихся во дворце они произвели положительное впечатление. Многие аристократы и часть купцов тут же расслабились, начали удовлетворено улыбаться, потянулись к легким закускам и спиртным напиткам, вы-

ставленным гостеприимными хозяевами в изобилии на резные лакированные столики. Довольный успехом, карлик ухмыльнулся и усложнил номера: начал отгадывать различные числа, прямо как дрессированная собачка в шатре шапито. И ведь что интересно: ни разу не ошибся и не сбился. Впрочем, при должной упорной тренировке и здесь нет ничего сложного. А у Жильда было достаточно времени, чтобы улучшить свои разнообразные умения и навыки.

Когда уже наслышанные о былых «подвигах» графа в Китеже гости наконец-то перестали ждать от него какого-либо подвоха и под влиянием напитков забыли обо всех его дурных качествах, «звезда вечера» неожиданно вновь показал свою истинную гадкую суть: визгливо и громко, как истеричная старая дева, впервые увидевшая в своей комнате голого мужчину, пристально уставившись на одну конкретную гостью, высокую полноватую девушку, стоявшую неподалеку от него, практически не мигая, он начал читать очередное свое «пророческое» стихотворение, и я, боясь упустить кадр или слово, немедленно сжала в руках самозаписывающий кристалл, магическую новинку, несколько дней назад с трудом выпрошенную у Цирина как раз для подобных случаев:

Колокольный звон над землей звенит,
А у девушки боль в груди щемит:
Ей сегодня замуж надо выходить,

Горечь дней несчастных надо ей испытать.

Муж ее – красавец с бородой седой,
Но не он ей люб, люб ей молодой.
Да со счастьем она распрощалась,
А душа-то в клочья растрепалась.

Колокольный звон – утро вешнее,
А спокойствие ее только внешнее.
Вот карета к храму примчалась,
По ступенькам девица поднялась.

Взгляд ее по всей по толпе скользит,
А в толпе её мил-дружок стоит.
А в глазах его горе плещется,
Горе плещется, смерть мерещится.

Вскрикнула она, заметалась,
А сердечко-то от боли разорвалось...
Колокольный звон над землей звенит.
А девица в храме, во гробу лежит²...

Да уж, очень веселая и жизнеутверждающая вещь. Карлик опять в своем репертуаре. И ведь главное, судя по мертвенной бледности, стремительно заливавшей щеки местной

² Все стихи в книге авторские.

красавицы, снова угадал. Ну все, хватит с меня.

Жильд, довольный созданным им переполохом, хотел раствориться в толпе и ужом выскользнуть из зала, когда я решительно преградила ему дорогу. Один взмах рукой – и на месте графа уже неподвижная статуя. Ничего, дружочек. Ты столько раз погружал своих жертв в стазис. Теперь и сам потерпи.

На глазах у резко замолчавшей изумленной публики я открыла портал и исчезла в нем вместе с карликом.

Глава 2

Твой бы приговор да тебе ж во двор

Максимилиан Цирин:

Утро началось мелкими неприятностями организационного характера, день продолжился поджатыми недовольно губами и несправедливыми претензиями госпожи Бориславской, недовольной, что ее обидчики до сих пор не найдены и не наказаны, и я, признаюсь, с некоторым напряжением ждал вечера, стараясь даже не думать, что он, в свою очередь, может мне преподнести. Но надо сказать, вечернее событие примирило меня с неудавшимися утром и днем. Я уже заканчивал разбираться с постоянно растущей на моем столе кипой бумаг (как они размножаются? почкованием?), когда внезапно открылся портал. Сюда, в мой кабинет, доступ через портал был у пяти-семи живых существ на планете,

не более. Для всех остальных данная комната была всегда магически запечатана, и попасть в нее можно было только официально, через дверь, непременно минуя моего бессменного секретаря-эльфа. На этот раз меня порадовала своим появлением Магдалена, просто сияющая от радости, одетая в воздушное голубое бальное платье с обязательным глубоким вырезом, открывающим, кажется, все, что только возможно. Кокетка... А вот то, что было рядом с ней...

– Добрый вечер, профессор!

– Магдалена, как ты его достала? Это же редкий вид, можно сказать, почти вымерший.

Моя бывшая ученица довольно хмыкнула:

– Я так и знала, что вы обязательно сможете оценить мой подарок. Он по какой-то причине, мне непонятной, решил в Китеже поработать, Василиса же от скуки заинтересовалась его фигурой и пригласила сегодня вечером во дворец, устроив званый вечер. Как вы понимаете, обойтись без очередной гадости он не мог. Вот.

И на стол лег самозаписывающий кристалл, тот самый, что магиня выпрашивала у меня всего несколько дней назад. Ну-ка посмотрим, что на этот раз произошло... Да, хорошо повеселил местное скучающее общество. Молодец.

– Подожди, я сдам его в руки Френару, и мы пообщаемся.

Я открыл портал.

Френар ант Зимин, главный «особист» Фрезии, маленький пухленький с добродушными глазками, курносый носом

и простоватым лицом человечекк, уже одним своим именем наводивший страх на всех жителей империи, работал в своем темном кабинете, который я, не особо не выбирая выражений, называл каждый раз куриной клетушкой, настолько эта комната была маленькой и тесной. Стол у темной стены, несколько стульев напротив и неподалеку от двери, кресло для самого Френа, шкафы с бумагами – вот и вся скучная обстановка. Освещался кабинет постоянно тремя большими свечами, скупо горевшими на столе.

При моем появлении «особист» поднял голову и несколько мгновений внимательно рассматривал застывшего в статисе Жильда. Я тем временем пододвинул «живую статую» поближе к столу и положил возле рук Френа самозаписывающий кристалл.

– И кому мне выдавать медаль за поимку вот «этого»?

– Кому ж еще. Кто у тебя был вечной проблемой во дворце пару лет назад?

Приятель понимающе ухмыльнулся:

– Магдалена. И почему я ни капли не удивлен.

Когда я вернулся, магиня сидела у стола, хмурила свои черные брови и о чем-то сосредоточенно размышляла.

– Профессор, как из магически закрытого города возможно украсть людей? – огорошила она меня непонятным вопросом, едва я только вышел из портала.

– Рассказывай, – велел я, усевшись в свое кресло. – Что у

вас в Китеже происходит?

После того как Магдалена закончила, я несколько минут помолчал, обдумывая новую для меня информацию, потом уточнил:

– Ты уверена, что магически закрыла весь город?

– Конечно, – пожала плечами девушка. – Им просто некуда бежать. Они в городе, это точно. Но не могу же я сама в каждый подвал лезть. А стрельцы утверждают, что ничего не находят.

– Тогда ищи места, в которые никому не хочется заходить.

– Вы думаете, кто-то воспользовался заклинанием отвода глаз? – снова нахмурилась магиня.

– Да. Это самый возможный из всех вариантов.

Магдалена:

Вернувшись во дворец, я попала сразу же в цепкие лапки Их Величеств. Они оба сидели на уже облюбованной ими софе в небольшом зале, том самом, в котором обычно и велись все наши разговоры.

– Нет, Лена, ты вот скажи: обязательно было портить мне вечер?! – негодовала Василиса.

Я лишь фыркнула в ответ на подобное обвинение. Да уж, подруга в своем стиле. Нет, чтобы спасибо сказать, что я ее отгадостей этого уродца спасла.

– Зато как эффектно получилось, признайся. И не дуйся давай. Знаешь же: он бы одним «пророчеством» не ограни-

чился, захотел бы «кровушки попить», а громкие скандалы и разоблачения вряд ли тебе нужны. А так об этом вечере еще долго говорить будут. Можешь предупредить весь высший свет Китежа, что этого самого графа они здесь больше никогда не увидят. Я об этом уже позаботилась. Кстати, что это за барышня такая чувствительная оказалась-то?

– Дочь крупного фрезийского негоцианта, давно живущего в Китеже, Аонтила Леренская, 18 лет, – ответил вместо обидевшийся на весь мир супруги Елисей. – Семья давно прочила её в жены местному князю, не особо родовитому и богатому, да и старому к тому же, но все же не купцу, а значит, ранг-то повыше будет. Он, князь этот, кстати, тоже на вечере присутствовал. Неподалеку от невесты как раз и стоял. Ну и всё слышал, естественно. Теперь от предстоящей свадьбы планирует отказаться. Мол, зачем мне порченная невеста.

– Понятно, – задумчиво кивнула я. – История стара, как этот мир. Батюшке Аонтилы позарез нужны высокий титул и прикрытия для расширения торговли. О чувствах дочери он подумать, естественно, не захотел. Ники не было?

– Ты насчет пропавших китежан сейчас спрашиваешь? Нет, никаких известий.

– А жаль. Ладно, я пошла спать. А утром думаю кое-что проверить. Может, и получится...

И не обращая внимания на вопросительные взгляды царской четы, я отправилась в свои покои.

Утром, сразу после завтрака, я выловила Ники в казармах. Выслушав мое предположение, оборотень нахмурился:

– Я чуть позже поговорю с ребятами. Пусть сначала тренировку закончат. Мне о подобном не докладывали. Но, вполне возможно, просто посчитали это несущественным и решили не тревожить пустяками начальство.

Пока друг разбирался со своими стрельцами, я работала с бумагами во флигеле. Поимку графа Жильда я оформила как дело государственной важности и теперь с гордостью могла утверждать, что на счету моего «особого» отдела, несмотря на его недавнее появление и отсутствие постоянных сотрудников, теперь было целых два громких дела, раскрытых лично мной.

– Ты была права, – с такими словами в комнату ввалился уставший и раздраженный оборотень. Прислонившись к косяку, он с негодованием продолжил: – Эти остолопы даже не подумали доложить, что в одном из районов города явно есть непонятная зона, в которую они попросту не захотели заходить. Нет, по шее они, конечно, получили. Но время-то уже упущено!

– Пошли, – встала я из-за стола. – Пусть покажут, где именно им стало неуютно.

Ничем не примечательный тихий спальный район почти на самой окраине города. Живет здесь по преимуществу беднота, но беднота работающая, чаще всего даже – ремеслен-

ная, поэтому серьезных разборок здесь практически не бывает, особых проблем стражам порядка этот райончик обычно не доставляет. Чтобы нас никто не заметил и своим любопытством не привлек к нам излишнее внимание, я накинула на себя, Ники и стрельца, не желавшего появляться здесь, полог невидимости. Так и шли, молча и сосредоточенно. Через несколько минут, не доходя нескольких шагов до очередного скромного домика, паренек вдруг затормозил, а затем и полностью остановился:

– Я не могу... Мне не хочется сюда идти...

Оборотень недовольно нахмурился. На него, как на наполовину магическое существо, подобное заклинание не действовало. Не дожидаясь, что друг начнет распекать своего нерадивого подчиненного, я покачала головой:

– Дальше я пойду одна.

– Ты уверена?

– Да, Ники. Ничего со мной не случится. Если бы там был сильный маг, мы бы уже это поняли. Поверь, дым тогда стоял бы коромыслом по всему городу.

Старый шаткий деревянный забор с отломанными местами ветхими штакетинами, небольшой дворик, полностью заросший сорняками, ни одного деревца, птиц не слышно совсем, хотя сейчас для них самое время; ветхий домик с сильно покосившейся, почти обвалившейся стеной, и почему-то запертая на обычный замок дверь. Интересно... Что ж тут воровать-то? И почему магии нет? Кто ж тут такой дурной

живет? Я подергала еще, чтобы увериться полностью. Действительно, заперта на обычный замок. Внутри раздались чьи-то мужские шаги, кто-то шагал широко и четко, как уверенный в себе человек; дверь резко открылась вовнутрь, и на пороге показался щуплый паренек с аристократическим лицом, лет пятнадцати-шестнадцати, невысокий, нескладный и почему-то рыжий. Дела... Хмуро и недоверчиво мой хозяин уставился на меня:

– Ты кто такая? Как ты сюда прошла? И что тебе надо?

Лучше всего я за всю свою сознательную жизнь научилась только одному: самозабвенно косить под дурачку. Цирин, читая мне очередные нотации после моих постоянных проказ и безуспешно пытаясь воззвать к моей от рождения не существующей совести, каждый раз уверенно утверждал, что я – самый настоящий профессионал в этом деле, любому могу фору дать. Вот этим своим любимым делом я сейчас и занялась. Благо, перед выходом из-за жутко теплой для середины весны погоды надела сарафан, чисто крестьянскую одежду, так что теперь одна рука якобы машинально стала теревить яркую оборку на груди, отвлекая внимание паренька от моей скромной особы:

– Ой, а вы кто? Сторож, да? Давно тут живете, да? Я травница местная, целительством вот подрабатываю. Была тут пару дней назад... Мне тут денюжку обещали за зелья приготовленные... Или не тут? Я, мабыть, заблудилась?

И голосок потоньше, чтобы был жалостливый и плакси-

вый. Ну и рожицу соорудить попроще, конечно. Хорошо, что у меня на лбу, в отличие от многих моих родственников, все поколения моих славных предков не отпечатались, при большом желании могу в случае чего и за крестьянку-простушку сойти. Ну? Купишься или нет?

Купился. Смотрит самодовольно, с явным презрением и чувством собственного превосходства.

– Травница, говоришь? Ну заходи, раз пришла. Мне травница не помешает.

Повернулся и пошел в темный дом, даже не соизволив проверить, иду ли я следом. Нет, ну вот кто так вообще делает? Кто подставляет спину незнакомому человеку? Вот что за наивняк, а? Я такой в его возрасте уж точно не была!

Ладно, топаю следом за ним, боясь поломать все четыре конечности в полной темноте. Он что, на свечах экономит? И опять никакой магии. Защита у места сильная, а вот его хозяин совсем без магии живет. Не сходится у меня ребус что-то... Боги! Темнотища такая, что хоть глаз выколи! Пришли наконец-то. Заходим в комнату. На улице солнце, а здесь – полумрак: единственное окошко завешено плотной темной шторой. Так, а что это там у в углу??? Не может быть...

– Ой, у вас там мертвецы???

Угу, и визгливости побольше. Правильно, так и надо. Вон как скривился.

– Не верещи. Живы они. Просто спят.

Да-да, расскажи мне об этом. Нет, то, что живы, вижу, но

вот то, что ты их настойкой на дурман-траве напоил, и похоже, что не в первый раз, я тебе еще вспомню. Да и Цирин порадуется. Это ж надо: дурман-травой людей опаивать!

– Правда? Ну ладно... Ой, а вы кто?

Ух, ё-мое, вы посмотрите-ка, как сразу приосанился-то. Аж смотреть противно. Ты ж, паренек, прост, как две копейки. Явно бастард. Потому и волос рыжий. Из законнорожденных среди аристократов рыжих никого никогда не было. Этот цвет, по древнему поверью, как метка для тех детей, что были благородными на стороне нагуляны (за исключением императорской семьи, но там случай особый). Интересно, то чудо, что сейчас передо мной стоит, об этом знает? Или он наивно считает себя настоящим рыцарем?

– Я?! Я – сам Кощей Бессмертный! Ты поняла, кто перед тобой??? Трепещи, травница! И смотри мне в глаза! Сейчас ты будешь спать! Спать, я сказал!

А пафоса-то, пафоса... Ой, да меня, похоже, пытаются загипнотизировать. И как неумело! Эх ты, горе луковое. И где тебя, такого, все это время растили. И кто ж тебя воспитывал? Ну ничего толком сделать не можешь.

Привычный взмах рукой, и рыжик стоит передо мной в той позе, в которой стазис его и застал: одна рука покоится на боку, другая вытянута в мою сторону в патетическом жесте, глаза безумно вращаются в глазницах. Да уж. Красавец, что и говорить.

«Профессор, у меня для вас подарок».

Опасливое:

«Еще один? И кто на этот раз?»

«Сам Кощей Бессмертный».

Долгое молчание. Потом:

«Это ты так умно пошутила?»

Хмыкаю:

«Если бы. Этот хмырь как раз и украл несколько дней назад людей из-под носа у китежских стрельцов. Гордо именует себя Кощеем. Сейчас в стазисе застыл».

Смешок.

«Весело живешь, Магдалена. Самого Кощея в стазисе держишь. Открывай портал».

Открыла. Цирин, высокий стройный архимаг, мой бывающий учитель и глава магической академии, вышел, элегантно одетый, впрочем, как обычно. Он что, и спит в этом черном костюме? Ректор между тем внимательно осмотрелся, нахмурился, увидев троих опоенных дурманом, небрежно сваленных, как мешки, в углу комнаты, потом повернулся к парнишке и прищурился:

– Магии в нем крайне мало. А вот гонора, похоже, чересчур много. Я забираю всех. С ним пообщаюсь, надеюсь узнать много интересного; а эту троицу надо выводить из зависимости аккуратно. Сама ты с этим не справишься, знаний не хватит. Я смотрю, выпили они уже очень много. Теперь здесь только опытные целители могут помочь. Кстати... Ты заметила?

– Что он рыжий? Да. Интересно, кто постарался?

– Вот это-то я и хочу выяснить. Как-то не вяжется его облик с заклинанием для отвода глаз. Хотя... Мог и амулетом поработать. Но в это как-то не верится...

Профессор аккуратно перенес через портал и «Кощея», и троих одурманенных, а я, с наслаждением отдернув пыльную плотную штору, впустила в комнату дневной свет. Буквально сразу же в коридоре послышались уверенные шаги друга. Вот же нетерпеливый. Мог и подождать, пока позову.

– Что здесь было? – хмуро поинтересовался оборотень, едва зайдя в помещение.

Я пожала плечами:

– Да вот, пообщалась с одним гипнотизером доморощенным. Звал себя Кошеем Бессмертным. Мальчишка лет шестнадцати. Рыжий, щуплый. Магии мало. Это из-за него люди пропали. Он держал их здесь и поил все время настойкой на дурман-траве. Меня загипнотизировать зачем-то попытался. Цирин забрал всех.

– Гм... Кощей, говоришь? Да еще и рыжий? Сумасшествие какое-то. Ты комнату уже осмотрела?

– Нет. Как раз собиралась.

Комната как комната. Небольшая, пыльная, пустая, нежилая. И никаких улик. Ничего. В чулане и коридоре, которые я, не жалея сил, освещала магией, тоже пусто. Жаль.

Выйдя из домика, я первым делом сняла со здания и двора заклинание для отвода глаз и тут же услышала за спи-

ной изумленный возглас стрельца, мявшегoся неподалеку, у калитки:

– Так это ж Аники-кузнеца дом-то! То-то я смотрю и понять не могу: местность вроде бы знакомая, а сообразить, что здесь должно быть, как-то не получается.

Мы с оборотнем, многозначительно переглянувшись, обернулись к говорившему.

– Что-то на кузницу совсем не похоже, – заметил Ники, внимательно смотря на подчиненного.

Тот пожал плечами, по-видимому, не заметив скепсиса в голосе начальника:

– Так кузнец – это не профессия, а прозвище. Он любил говорить: «Ну вот, сейчас и подкуем дело твое».

Хм...

– «Любил»?

– Да, госпожа ведьма, – почтительно ответил паренёк, – он был сильным черным колдуном, поговаривают, из ваших-то, из аристократов, гордый больно, да только ярко-рыжий. Исчез как-то совсем внезапно, где-то за пару месяцев до вашего здесь появления. Пропал однажды утром, словно его и не было его никогда, и вещи свои колдовские с собой забрал все. А домик этот так и остался без хозяина стоять. Людям в нем было боязно находиться: будто выгонял кто каждого, пытавшего зайти внутрь. Народ-то, грешным делом, все на домового, хранителя домика, списывал. А вот теперь как знать, может, это дух самого Аники и был... Может, он уже того...

Помер давным-давно...

Пару месяцев, говоришь? И еще один рыжий «аристократ»? Странно все это... Надо бы царскую чету порасспросить. Может, они что интересное расскажут.

– Аника-кузнец? – Елисей удивленно нахмурился. – Помню, конечно. Такого и захочешь, да не забудешь. Тот еще «фрукт» был. «Гнилой» полностью. Хитрый, наглый, ушлый, беспринципный. За пару серебряных монет собственную мать придушил бы, не раздумывая ни минуты. Как по мне, он был обычным шарлатаном: ничего особенного в магии не знал и не умел, так, по мелочи, крестьян попугать и медяков с них набрать. И да, действительно, был рыжим.

– А пропал он как? И куда?

– Да кто ж его знает-то, – пожал плечами мой работодатель, сидя вольготно в кресле с высокой спинкой и рассеянно вертя в руках небольшой кинжальчик для фруктов с ручкой, инкрустированной драгоценными камнями, – подарок какого-то фрезийского негодяя «в благодарность Его Величеству царю Роси Елисею за успешное разрешение торговых проблем». – Я никогда не вдавался в это и не старался узнать. Исчез – и слава всем известным богам. Меньше гадости будет в Китеже. А вот теперь приходишь ты и утверждаешь, что как раз в его доме и держали похищенных горожан...

Максимилиан Цицин:

Отправив одурманенных горожан в целительский корпус, я открыл портал на поляну рядом с домиком Яги. Та вошла в доме, но, почувствовав всплеск магии, вышла на крыльцо:

– Профессор Цирин? Что-то случилось? – Старушка недоуменно взглянула на нас с липовым «Кощеем», вытирая от муки руки о цветастый передник. Сильный маг, она старалась выполнять всю домашнюю работу без магии, утверждая, что магические потоки оказывают особое влияние на энергетику любого живого существа, меняя исподволь сущность каждого из нас. – Кто это с вами?

– Утверждает, что ваш дальний родственник, Кощей Бесмертный, – ухмыльнулся я. – Вот, привел на очную ставку. Сможете опознать?

Яга недоуменно вскинула брови:

– Этот? Кощей? И к тому же рыжий? Да отпустите вы его. Никуда он отсюда не сбежит. И не сможет, к тому же. Вон, какой ужас в глазах плещется.

Действительно, в серых глазах паренька был страх. Мальчишка явно начал понимать, что по глупости натворил за последнее время чересчур много ошибок, а значит, теперь придется за всё расплачиваться перед более опытными и умными взрослыми.

Я отменил действие заклинания, и злоумышленник пустым мешком осел на землю. Его была крупная частая дрожь. Старушка укоризненно покачала головой, осуждая подоб-

ное обращение с каждой разумной сущностью, и участливо склонилась над «Кощеем»:

– Как тебя зовут, болезный?

– К-к-костя-а... От-тец К-ко-ще-ем з-зва-а-л...

– Отец? – недоуменно приподнял я бровь. – А отец кто?

– А-ни-ка-к-ку-з-з-нец...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.